

Мамара Навленько

НЕ БОЙСЯ, Я С ТОБОЙ!..

Рассказы

КУЗЯ

Однажды в конце августа в наших краях случилась такая напасть – на дачные участки тучами, словно божья кара, каждый день обрушивались стаи перелётных скворцов и устраивали пир горой, склёвывая спелые ягоды винограда. От тяжёлых виноградных гроздьев, выращенных нелёгким трудом, оставались только жалкие скелетики кисточек. Народ защищался, кто как мог. Крики, выстрелы – всё тщетно, и каждый раз, открывая калитку, мы слышали это «ф-р-р-р!» от десятков взмывающих крыльев.

И тут прошёл слух, что хорошо помогают огородные пугала – высокая крестовина, одетая в рвань, с шапкой-капелюхом вместо головы. Говорили, что птицы такую фигуру побаиваются и облетают дачу стороной.

Зять наш, молодой мужчина двухметрового роста, обстоятельный и трудолюбивый (только скажи: «Копай отсюда и до обеда!»), весь из себя добрый молодец – косая сажень плечах и лицом – кровь с молоком, идеей этой вдохновился. Потому как имел к скворцам свой личный счёт: часть винограда шла на домашнее вино, которое он сам научился делать, и любо-дорого было смотреть, как стояли в ряд десятилитровые бутылки с горловинами, закрытыми резиновыми перчатками. Когда вино начинало бродить, перчатки надувались, расправляли пальцы, и тогда казалось, что бутылки дружно салютуют: «Привет Горбачёву!» – кого же ещё приветствовать в антиалкогольную кампанию!

И вот сколотил зять крестовину. Не пожалев своего польского плаща, который был совсем ещё ничего себе, и тирольской шляпы с пёрышком, нарядил он пугало, как денди. Для пушного птичьего ужаса к «рукам» привязал пустые консервные банки и длинные полоски полиэтилена, а также, не поленившись, прибил вместо лица круглую картонку, на которой нарисовал вытаращенные глаза, нос и оскаленный в зловещей улыбке зубастый рот. Сооружение это, само по себе метра в два высотой, он ещё прибил к шесту и водрузил высоко над землёй посередине виноградника. Чуть ветер подует – банки звенят, полоски шуршат, дьявольская рожа скалится в ухмылке – не только птицы пугались, а и я вздрагивала, когда в поле зрения попадала эта зловещая фигура.

Маленькая пятилетняя внучка, впервые завидев это чудовище, встала, как вкопанная, и ни с места, пока её отец не внушил ей, что это просто пугало, что

никого оно не трогает, а только прогоняет птичек. Внучка успокоилась, но, приезжая на дачу, первым делом почтительно подходила к чучелу – ручонки по швам, наклоняла головку и вежливо говорила: «Здравствуйте, Пугал!» Однако играть предпочитала от него подальше.

– Что-то и мне не по себе, – призналась я, – какой-то страх он мне внушает, просто мистика какая-то. Особенно если я на даче в одиночестве...

– Ну, что вы, тёщенька, дорогая, – похохатывал зять, – такая современная интеллигентная женщина – и вдруг какие-то глупые страхи!

– Ладно, – сказала я, – назовём его Кузей, как-то его очеловечим – имя-то тёплое, домашнее.

И правда – Кузя да Кузя, скоро я к нему привыкла и перестала его замечать. То ли Кузя помог, то ли пришло время скворцам улететь дальше на юг, но нападения птиц прекратились, и виноград мы собрали. Хватило и на вино.

А поздней осенью зять наш, хозяин рачительный и дальновидный, снял Кузю с шеста, внёс в домик и поставил в углу до следующего лета. Закрыли мы ставни и оставили Кузю одиноко зимовать в полутёмном углу. Дверь домика закрыли на символический замочек, сбить который можно было хорошим щелчком – это специально, чтобы дверь не ломали. По дачам, бывало, лазили непрошенные гости, хотя у нас особенно нечего было и красть.

Пришла зима, и мы сменили не только одежду, но и мысли, и заботы летние на зимние, и из памяти у всех совершенно изгладился наш одинокий страж Кузя – как будто бы его никогда и не было.

Неблагодарные мы всё-таки люди!

В конце марта пригрело солнышко, и мы всей семьёй – я, мой муж, сын, дочь, зять, внучка – поехали на дачу. Какого дачника не волнует этот момент?! Я побежала здороваться с деревьями, попутно заглядывая, не зазеленели ли грядки с луком и чесноком, а зять пошёл открывать и проветривать домик, громко комментируя свои впечатления.

– Кто-то тут был! – воскликнул он с досадой. – Замок сорван! И шапка чужая валяется...

Он вошёл в домик. И вдруг мы услышали полный ужаса, леденящий душу вопль. Мы буквально остолбенели и застыли в тех позах, в которых нас застал этот нечеловеческий, как в фильмах ужасов, крик. Через несколько секунд мёртвой тишины в домике послышался грохот, звон, ругань, и из дверей пулей вылетел зять – косая сажень в плечах. В лице его не было ни кровинки – осталось одно молоко. В руках он держал злосчастного Кузю с его дурацкой ухмылкой. С силой швырнув чучело на землю, зять с обиженным криком: «Предупреждать надо!», адресованным неизвестно кому, помчался к маленькому дощатому сооружению в углу дачи.

То, что случилось с нами, нельзя назвать смехом – это была истерическая разрядка. Мы хохотали так, что слёзы лились из глаз, колело в боку, и дух невозможно было перевести. Едва мы затихали, кто-то из нас представлял, как зять зашёл в полутёмное из-за закрытых ставен помещение и неожиданно увидел в углу жутко скалящегося громилу ростом под самый потолок – и смех вспыхивал снова. Глядя на нас, зять хмурился-хмурился, а потом стал хохотать вместе с нами. Что ни говори – гораздо полезней посмеяться над собой, чем поплакать.

А в домике ничего не пропало. Иногда я думаю: что же случилось с тем человеком, который вошёл внутрь, неожиданно увидел Кузю и, убегая, потерял шапку. И не вернулся за ней! Дай-то бог, чтоб остался жив и здоров!..

НЕ БОЙСЯ, Я С ТОБОЙ!..

С тех пор прошло уже много лет, но в душе моей бережно хранится память об этом небольшом событии жизни. Казалось, ничего особенного не произошло, пустяк, но случившееся не забылось, вызывает улыбку и мгновенное чувство благодарной нежности, а со временем, после размышлений, обрело особенный смысл и глубину.

Вместе со своим семимесячным сыном Гришей я прилетела из Казахстана на лето к своей матери, которая жила в посёлке Донском возле Новочеркасска. Вскоре к нам должен был присоединиться и мой брат со своей дочерью Машенькой трёх с половиной лет от роду. В молодости, закономерно отдаляясь от родителей, мы стремимся вырваться из дома: «На волю! В пампасы!»; но с появлением собственных детей начинаем лучше понимать своих родителей, на новом уровне приближаться к ним, и жизненная волна повзрослевших детей откатывается обратно: «К маме!» Конечно же, надо внуков бабушке показать, но в глубине души теплится невысказанная надежда, что мама поможет нам передохнуть, отвлечься, в кино сходить, с друзьями встретиться. И ненадолго, на часок-другой, хотя бы и не каждый день, но иногда, можно будет снять с себя упряжь взрослой ответственной жизни, к которой мы так торопились присоединиться.

Мы с мамой сделали тщательную уборку, приготовили вкусный обед, напекли пирогов и радостно выглядывали с балкона – не показалось ли такси с дорогими гостями. Ура, подъехали! Вот из машины выходит братец, вынимает свою дочку, вот из багажника выгружают чемодан и дорожную сумку. Мы настежь открываем дверь, а они поднимаются по лестнице, впереди отца прыгает девчужка, стрекоза-егоза. Радость какая – родные наши приехали! И вот он, счастливый момент обнимания с сыном и братом! Потом позвали: «Машенька!» Ах, как хочется её обнять-потискать! Не тут-то было! Девчонка прижалась к папиной ноге, смотрит недоверчивым зверьком – кто это тут, такие-сякие, которые посягают на её папу и на неё тоже?! Ну, что делать, не будем беспокоить девочку.

Племянница моя, Машенька, к незнакомой обстановке отнеслась настороженно, держалась отстранённо, такая избалованная красотуля-капризуля, никого к себе, кроме папы, не допускала. Только папе она разрешала себя купать, одевать, раздевать, укладывать спать. Ела Машенька неохотно и мало, и папе приходилось её кормить. Он садился с ней рядом и сочинял всякие интересные истории. Посредине тарелки с манной кашей возвышается аппетитная клубничная горка – волшебный дворец, до которого надо добраться посуху, проложить ложкой дорожку через заколдованную кашу. Картошка в супе, кусочки мяса оказываются разбойниками-пиратами, их надо уничтожить! Каждый раз это было что-то новенькое и интересное. Маша слушала, раскрыв рот, что и требовалось, еда с ложки как-то незаметно оказывалась у неё во рту – приходилось глотать. Бабушку и меня она исподтишка разглядывала, а на маленького Гришу смотрела во все глаза и явно ревновала. Ещё бы! Жила-была одна Машенька, папа и мама её обожали, все знакомые Машей восхищались, а тут какой-то малыш, ничего из себя не представляет, а все с ним носятся, радуются, что бы он ни сделал: «Ой, какой молодец, посмотрите, как он умеет играть “ладушки-ладушки, где были у бабушки”, и ручки вовремя поднимает – когда “на головку сели”!» Маша смотрела на него с явным высокомерием и превосходством. Подумаешь, ладушки! Ещё и ходить не умеет, и говорить не умеет, а все им восхищаются! Ревновала, конечно, Маша, и к двоюродному братику не подходила, только издали, молча его рассматривала.

А однажды грянула летняя гроза с молниями, громом, ливнем! Мы все сидели дома в «тепле-светле», но чувствовали себя неудобно. Я на минутку вышла в кухню, оставив сынишку сидящим на диване, как вдруг, совсем близко, над соседним сквером сверкнула огненным разветвлённым деревом ослепительная, причудливо изломанная молния, казалось, разодравшая небо в клочья. И почти одновременно оглушительно загрохотал гром. Я метнулась обратно в комнату, беспокоясь, не испугался ли малыш, но меня опередила Маша. Она бросилась к ребёнку, крепко обняла его и закричала: «Гриша, не бойся! Я с тобой, ты не бойся! Я с тобой!» Мы все ошеломлённо переглянулись. Её никто не учил, не просил, но в ней вдруг неожиданно вспыхнула, проявилась изначально женская, жертвенная суть, глубинное материнское чувство – защитить ребёнка! Ей и самой-то страшновато было, но она бросилась, чтобы прикрыть от неведомой беды младшего братишку. Как же она сообразила, – в три с половиной года! – мгновенно исторгла из себя эти самые нужные слова: «Не бойся, я с тобой!..» Я присела рядом, обняла их обоих, и Маша не отстранилась, а доверчиво прижалась ко мне, и вместе нам было совсем не страшно! С этого момента и началась наша дружба с Машей, совместные прогулки по посёлку, походы на качели-карусели, сказки, песенки, шутки.

Я помню это всю жизнь, удивляюсь и радуюсь воспоминанию, раздумываю о женском характере и желаю, чтобы у каждого мужчины в любом возрасте рядом была женщина – мать, сестра, жена, дочь, внучка, возлюбленная, просто друг, кто в тяжкий и страшный момент жизни может сказать: «Не бойся, я с тобой!» Да что говорить! Всем нам нужна близкая отзывчивая душа, которая почувствует боль и страх другого человека и произнесёт заветные, ободряющие слова или просто даст это понять...

У НАС ТАК МАЛО ВРЕМЕНИ...

Они не виделись один год и двадцать четыре дня, всего 389 суток. На 390-й день он позвонил и сказал:

- Привет!.. Я только что приехал. Увидимся?
- Где? – только и спросила.
- Стою возле твоего перехода, – сказал он и уточнил: – Когда?
- Сейчас. Бегу... Буду через 10 минут.
- Жду...

Она накинула плащ. Вечер конца октября – уже прохладно.

– Куда? – спросила мать.

– У тебя капли кончаются, забыла купить. Прости, тебе на ночь надо их закапать.

Мгновенно вспомнила, что пачка творога лежит в холодильнике. Тут же поняла, что это лишние полчаса.

– Заодно в молочном магазине куплю творог, утром позавтракаем сырниками.

Как лихо она врёт...

– Не задерживайся, сейчас быстро темнеет! – затревожилась мать.

– Я мигом!

Выскочила на улицу. Солнце только что зашло, розовый отсвет его разметался по голубому краю неба. Она побежала к переходу через центральную улицу, увидела его, стоявшего на той стороне, на тротуаре. Он смотрел на неё и улыбался. Светофор строго выдерживал положенное время, и сердца обоих отбивали в такт

положенные светящиеся секунды. Люди скопились на том и этом конце перехода. Наконец в окошечке светофора задвигался, задёргался зелёный человечек. Встречные людские течения двинулись навстречу друг другу. Она не шла, она бежала, нацелившись на его ждущие, нетерпеливо распахнутые руки. Она видела его улыбку, чувствовала его радость ожидания, и вот – наконец! Здравствуй! – они не произнесли этого слова вслух. Он обнял её и поцеловал в губы, быстро, легко, и она ещё не распробовала его поцелуй, знала, что это придёт позднее, в воспоминании, как проходила вся их любовь: короткая встреча – и долгое воспоминание. Как после глотка хорошего вина – послевкусье.

Они медленно вошли в ближайший сквер, сели на скамейку и молча смотрели друг на друга. И улыбались. Потом говорили о пустяках и снова замолкали. Никакие слова не могли выразить их чувств, да и не надо. Руки их, касавшиеся друг друга, говорили больше. Уже смеркалось, и это было замечательно, меньше опасений, что их заметят знакомые... Городок маленький, закрытый... Все про всех всё знают... До сих пор, кажется, им удавалось сохранить свою тайну. Знал о них только его друг детства и коллега, Костя... Он звал его – Костик...

Удачно получилось, что они работали в разных местах, она – журналистка районной газеты, её имя известно и в городке, и в районе. Хоть и молодая ещё – двадцать восемь лет, но коллеги даже немного завистливо пошучивали – «акула пера». Он – физик в закрытом институте, который неизвестно чего делает, в городе его называли НИИГУГУ. А в документах – просто почтовый ящик. А где он расположен, этот ящик, лишним людям знать не обязательно. Собственно, и город-то был построен ради этого института, даже сделали его райцентром и название дали среднерусское, забубённое. Деревня Игнатовка раньше здесь стояла на берегу речки, и город называли Игнатьевск, районный центр. Ни один шпион не должен заинтересоваться. Подумаешь, какой-то Игнатьевск – плюнуть и растереть... На окраине расположилась воинская часть. Со временем появилась парочка каких-то нужных заводиков, ткацкая фабричка, конечно, детские садики, школы, техникум, больница, поликлиника. В общем, всё, что положено для жизни современного человека. Даже своя газета стала издаваться, где она сейчас работает. И Москва не так далеко – удобно!

Они встретились два года назад, во второй год перестройки, когда все секреты начали раскрываться, и журналисты районной газеты пригласили этих загадочных физиков к себе в редакцию, на встречу, как говорили, «за круглым столом». Пришли три человека. Но говорили как-то всё непонятно, так что и приличного интервью не слепишь. На главный вопрос: что ж вы всё-таки делаете, какие у вас успехи-достижения, за что вам деньги платят, – они отвечали уклончиво, напирали на помощь народному хозяйству, колхозам и совхозам. Да, бывало, журналисты вместе с ними в колхозе картошку копали. Редактор рядом сидел, шепнул ей, мол, ну и фиг с ними, поговори с кем-нибудь из них отдельно, напиши хоть крохотную заметку общими фразами – встречались, мол! Всё равно уже никому ничего не нужно! Когда собрались уходить, она, сердитая из-за неожиданной задержки, подошла к тому, что помоложе, но хмурому и неразговорчивому – пышные волнистые светлые волосы, голубые глаза, – и попросила его задержаться. Ярослав Игоревич его зовут, оказывается. Усмехнулась про себя – княжеское имя! Начальство его благосклонно кивнуло, и он задержался. Зашли в её комнатку, из коридора было слышно, как хлопают, запираются двери кабинетов. Кончился рабочий день.

Она попробовала начать с общих доверительных вопросов, заданных самым мягким, нежным, колдовским голосом – флейта, да и только! Дефицит этим сво-

им голосом в магазине добывала! Спросила, сколько лет, да где учился, да какая семья, интересная ли у него работа и какие планы дальнейшей жизни. Но все её подходы были напрасны, семья есть, жена и дочь, работа интересная, но хочется ещё интересней. И от хмурости следа не осталось, улыбается чуть насмешливо, а не пробиться – кремень! И такое лицо симпатичное, чуть грубоватое, мужское – ей не нравились мужчины сладкой внешности Алена Делона! Смеющиеся глаза при серьёзном выражении лица. Умён. Доброжелателен. Не успела оглянуться как он у неё всё выпросил, кто, да что, да как, да где, да почему. В конце концов, наплевать на эту заметку, напишет ерунду, мол, встречались в редакции, обменялись мнениями. Поговорили с удовольствием о книгах, о фильмах, даже политику зацепили, сошлись во вкусах и мнениях. Ну что ж, не получилось даже у неё, а она гордилась, что умела «раскалывать» даже самых упорных и закрытых людей. К этому голубоглазому ключа не подобрала. Но приятны были друг другу, смотрели глаза в глаза. Улыбались.

– Что ж, – сказала она, – спасибо за интервью, которого я не смогла от вас добиться.

– Да что там говорить! Сейчас такое пришло время, что и говорить-то не о чем, такое чувство, что физики уже не нужны. Придётся переквалифицироваться в управдомы...

Оба засмеялись, встали, подошли к вешалке, он плащик её снял с крючка, сзади подал ей, помог надеть. И вдруг она почувствовала, что он её не отпускает, обнимает сзади нежно, но крепко, не вырваться. Почему-то это не было ей неприятно.

– И долго будем так стоять? – спросила насмешливо.

Он ловко развернул её к себе лицом и поцеловал в губы. Она не уклонилась, молчала, и он целовал её щёки, глаза и снова в губы. И она вдруг ответила на поцелуй.

Он оторвался, произнёс виновато:

– Простите меня, губы у вас такие... Сочные, яркие, поцелуйные губы... Я ещё там сидел, смотрел на вас и мечтал вас поцеловать... Можете дать мне по морде, я заслужил...

Какое там, «по морде»... Сердце её стучало. Два года, как развелась с мужем, слава богу, согласился, отпустил, уехал даже. Прожили пять лет, злилась, плакала, когда поняла – не тот человек! Хороший, нормальный парень, но не впору, не пара, не для неё. Кино такое было «Не промахнись, Ассунта». Она промахнулась. Сначала это была яркая влюблённость, потом яркость потускнела, стало никак, потом скучно, потом тоскливо и, наконец, невыносимо. Ужас её охватывал, когда думала, что так вот с этим человеком она должна прожить всю свою жизнь – «завтрак-обед-ужин». И для этого она родилась?! Убедила его развестись. Удачно, что ему предложили хорошее повышение в их системе, но в другом городе. Обрадовался: «Ты ещё пожалеешь!» Расстались. Хорошо, что детей не случилось – этот процесс в последнее время стал управляемым. Не подпускала к себе никого. А уж как топтались... Удивлялась мужской самоуверенности – если женщина без мужа, непременно надо предложить ей свои услуги. Идиоты! Не все, конечно. А вот сейчас дала слабину, прижалась к этому человеку и молчала. Потом он снова целовал её. И сердца обоих стучали, как бешеные. Уборщица загремела ведром возле их двери, и они оторвались друг от друга.

По улице тихо шли рядышком, почти не разговаривая, словно боялись что-то спугнуть. Он проводил её до дома, чинно пожали друг другу руки. Уходил,

не оглядываясь, и телефон не спросил, грустно подумала она. А чего его спрашивать, он в каждом номере газеты отпечатан – журналистка Авдеева Лариса Петровна.

Через два дня он позвонил. Спросил коротко, не может ли она уделить ему время завтра с 12 до 15 часов. Она, помолчав, прикинула свой график, ответила, что, пожалуй, сможет.

– Тогда запишите адрес. Второй этаж. Два очень коротких звонка. Не опаздывайте!

– Постараюсь! – сказала чуть надменно и насмешливо, мол, раз уж так просите... Всё поняла. Адрес запомнила мгновенно. Ну, что ж...

– Уж постарайтесь, – сказал он строго, – у нас так мало времени!

Вот тогда она и услышала впервые его любимую присказку: «У нас так мало времени!»

Она сказала редактору, что ей необходимо уйти на перерыв пораньше и немного задержаться после него, тот согласно кивнул головой. Ей он доверял безоглядно, она работала, не считаясь со временем. Можно сказать – его правая рука. Он планировал её сделать своим замом, прежний уж на пенсию собирался. Да практически она уж его замом и была. Только в партию никак вступать не хотела, считала пустой тратой времени. Но, может, сейчас это уже и не имело такого значения.

Она пришла по адресу, поднялась на второй этаж и коротко, отрывочно позвонила, второй раз звонок даже не успела нажать. Дверь мгновенно открылась, и она очутилась в его объятиях.

– Я так тебя ждал!

Что тут скажешь... двадцать восемь лет прожила, замужем была, ещё там кто-то болтался на подходе, да быстро пресекла, избавилась... нет уж, зачем размениваться, спать, так с королём. Так счастливо, так хорошо никогда ещё не было, как в этой холостяцкой однокомнатной квартире его друга Костика. После любви успели ещё и поговорить. Ему тридцать пять. Кандидат наук, докторская готова. Женился рано, на третьем курсе.

– Студенческая любовь? – спросила она.

– Да какая там любовь! Осенью отправили в колхоз на картошку, и ещё туда девчонок привезли из пединститута. Там всё и случилось. Дураки все были. Многие наши ребята тогда попались, у нас ведь девчонок на курсе мало было, влюбиться и не в кого, и некогда, жуткие учебные нагрузки. А тут сентябрь, теплынь, свобода! Смотрю, девчонка смазливенькая на меня поглядывает, улыбается! Вот я и попался. Беременность! Женись! Ты же знаешь, как это было, чуть что – комсомол, деканат – вон из института! И она ревёт – слёзы ручьём. Жалко стало. Я ведь толком ещё и не влюблялся, думаю, ладно, всё равно когда-то жениться надо. Так вот и живём уже 15 лет. Дочке уже четырнадцать... Больше детей нет.

– Хорошая жена?

– Нормальная. Впору. Нигде не жмёт. Как домашние тапочки...

– Так это же хорошо!

– Да. Но иногда хочется праздника.

– Женщин много было?

– До тебя ни одной!

– Зачем врёшь?

– Особенно-то и некогда было романы крутить, да и наскучивали девушки быстро. Мне сейчас кажется, что кроме тебя никого и не было... и не будет! Что-то

со мной происходит, два дня как пьяный хожу, про тебя думаю, даже разозлился на себя, и на тебя заодно!

Она замолчала, но не поверила. Ну что же теперь делать?! Расстаться с ним сейчас она не в силах. Будь что будет! В конце концов, она свободный человек, никому ничего не должна.

А он снова потянул её к себе, обнял, тихо, печально даже сказал: «У нас так мало времени!..»

Она не помнила другого такого счастливого года! Летала!

Редактор головой качал, как-то спросил:

– Ты рассказы случайно не пишешь?

– Случайно не пишу...

– А ты попробуй! – И вздохнул: – Талантливая ты у нас девушка...

Она чувствовала в себе нарастание какой-то внутренней неведомой, властной силы. Какой-то сладкой тревоги! И радости, радости жизни, которая иногда вдруг перерастала в тревогу, в печаль. Может, действительно попробовать что-то написать эдакое... Не попробовала, некогда, но записная книжечка для заметок всё пополнялась и пополнялась неожиданными мыслями, метафорами, сравнениями, случайно услышанными словечками, выражениями. Радовалась этому. Хорошо люди говорят! Она словно повзрослела, подобрела душой, научилась смотреть на мир, на людей глубже, шире. Ей казалось, что она понимает каждого. А раз понимает, значит, прощает и жалеет. Ей казалось, что она старше всех, и в каждом человеке чувствовала главное, сильное, но и слабое тоже.

Через месяц редактор вызвал её в кабинет и сказал:

– Лариса, мне предлагают место главного редактора в областной газете. Я бы хотел взять тебя с собой. Квартиру обещают дать почти сразу и мне, и тебе. Я не в любовницы тебя зову, куда уж мне! Тебе надо менять масштаб, уходить отсюда, работать в большой газете, расти надо, милая моя! И областная газета для тебя не предел. Уж извини, что хвалю в лицо. Но я тебя давно вижу. И мне бы с тобой легче было – свой человек! И какой!

– Нет! – резко сказала она

– Что так? Что-то или кто-то тебя держит? Подумай! Хорошо? Через неделю скажешь.

Да, она сказала это резкое «Нет!» не подумав. Потом подумала. Ей надо было выбирать между работой и любовью. Она была женщиной, и она выбрала любовь. Редактор уехал, где-то там, в высших сферах настоял – её сделали главным редактором их газеты. Заместитель ушёл на пенсию. Она не очень была рада своей новой должности, поняла, что стала менее свободна. Завистников нажила. Ну, пока ладно... Посмотрим... Заместительницу взяла – острую девушку, того и гляди тяпнет, что плохо лежит, и одеяло на себя умеет потянуть. Ну, пусть старается, Лариса действительно когда-то уйдёт отсюда.

Так прошёл их первый счастливый год. Он докторскую диссертацию защитил. Казалось, всё замечательно! А в конце года сказал, что всё рушится, что ему не по нутру новое руководство, не ставят в план его тему, которая ему жить нормально не даёт. А у нас так мало времени! Физиков в мире пруд пруди, и кто-то додумается до его предположений, догадок. Он списался со своими ребятами в Сибири, вышел на их начальство, его поняли, пригласили, и он уже дал согласие... Я, конечно, не в счёт, с горечью отметила про себя Лариса. Ему тоже надо было выбирать между работой и любовью. Он был мужчиной, жил в другой, своей системе координат и выбрал работу.

В последнюю встречу был рассеян, задумчив, сказал ей:

– Прости, что уезжаю. Пойми, мне надо мысли свои проверить, пока мозги не заржавели. Здесь нет такой возможности. Даже оборудования соответствующего нет. За границу бы, в хорошую лабораторию. Эх! Ну, посмотрим...

Уехал. У неё работы много, скучать некогда. И знакомых, друзей тоже много. Иногда Костя звонил, с праздниками поздравлял, какой-нибудь новый анекдот рассказывал, смешил, на вопрос о друге почти всегда говорил одно и то же: «Работает, как лошадь, устал, как собака». Как-то пару раз с Костей в кафе посидели рассказывал, как с Яриком в школе учились, как в институт поступали. Она жадно слушала, расспрашивала. Это друг его затащил в физику, сам – не пошёл бы! Но не захотел Ярик с ним расставаться, пришлось вместе поступать, противиться бесполезно. Всё равно по-своему сделает! А Косте не по душе эта работа, вот придумывает, куда бы уйти... Может, мастерскую по ремонту открыть... Теперь это можно.

– Ты же кандидатскую защитил!

– Ярик заставил. И помог...

Грустно так признался. Не каждому это сказать можно, она поняла – Костя ей доверяет. Обмолвилась как-то ему, мол, дома что-то кран плохо работает, ещё какие-то огрехи накопились, надо в ЖЭК позвонить... Пришёл, всё починил. От обеда не отказался, предложил – надо будет, зовите. Мама была от него в восторге. Вот это мужчина – золотые руки!

Ярослав никогда ничего не писал. Изредка звонил, перед праздниками, с днём рождения поздравил, не забыл – даже удивительно. Иногда звонок был совершенно неожиданным, она чувствовала – просто так, чтобы услышать голос. Ничего не обещал, в любви не объяснялся, но первые слова произносил дрогнувшим голосом. Она чувствовала то, что словами по телефону не скажешь. Да, прежде всего у него работа, потом, наверное, семья. Она на третьем месте. Но тоже, горько шутила про себя, место призовое, не всякой оно достанется... И вот приехал. Может, скажет, как там его дела и планы... Не обольщайся, дорогая! – осаживала себя.

* * *

Ей действительно надо было зайти в аптеку, по этой причине и удалось вырваться из дома, от своей властолюбивой и ревнивой матери – хуже мужа, честное слово! Мать недавно вышла на пенсию, ещё вполне молодая сильная женщина, но вот нравилось, хотелось ей, чтобы дочь знала, кто главный в доме! Всё чего-то болезни себе придумывала.

В аптеке была небольшая очередь, и они в кои-то веки стояли рядом, терпеливо её пережидая, смотрели друг на друга, жадно, радостно, ведь они так давно не виделись! Она заметила, что он похудел, а его волнистые светлые волосы ещё посветлели. От этого глаза его казались не просто голубыми – почти синими. Да ведь он поседел! Так рано... Он был очень хорош в свои тридцать семь лет – худощавый молодой мужчина с серебряными волосами и ярко-голубыми глазами. Какой он её видит?! Постаревшей? Замученной? Ведь ей уже тридцать! Не девочка... Ладно... Она всё равно смиренно примет этот кусочек счастья, который судьба соизволит ей подать. Не она командует парадом. Она видела – он любит, как умеет. Прилетел. Вырвался.

Они вышли из освещённой аптеки в осенний сумрак и старались погрузиться в него глубоко, ещё глубже, ещё... – вон в том простенке, в торце здания – зовущая тьма, в которой они укрылись. Как бездомные подростки, подумала она. И там наконец он обнял её по-настоящему и поцеловал снова, но уже другим, тяжёлым,

долгим поцелуем – изнемогающий от любви и страсти мужчина. Он расстегнул её и свой плащ, поднял свои пуловер, рубашку, она трясущимися руками раскрывала свое ждущее, зовущее, любящее и любимое им тело. Его прохладные руки гладили её спину, груди, она чувствовала его дрожащее горячее тело на своём так близко, так знакомо, так желанно. И вот уже началось волшебство телесного объятия, которого они не знали, не испытывали ни с кем другим – началось и душевное растворение их друг в друге. Она верила, надеялась и терпеливо ждала этого 389 суток, и оно того стоило. Оба замерли, молчали, слушали биение сердец.

– Мне пора! – наконец шепнула она.

– Я остановился у Костика. Целый день завтра буду ждать тебя, приходи. Надо серьёзно поговорить. Утром только пойду в институт, отмечу командировку, со своими друзьями повидаюсь. Приходи часа в два. Наши раньше меня не отпустят. Костик обещал, что все дни он даже не покажется, так что бери отпуск на четыре дня – и ко мне...

Он проводил её почти до дверей дома. На скамеечке возле подъезда сидели бабушки, – слава богу, её ревнивой матери там не было. Он пожал ей руку, не осмелился поцеловать, повернулся и пошёл, растворяясь во тьме. Дольше всего была видна только его словно светящаяся светлая голова.

Вечером она предупредила мать, что уезжает до конца недели в командировку, в район. Так бывало, и мать не находила возражений. Работа есть работа. Утром, в редакции, она взяла четыре дня в счёт отпуска. Её заместительница была довольна, очень любила властвовать по делу и без дела. Ну, ничего... потерпят. По дороге зашла в кулинарию, купила ещё тёплый пирог с мясом, молоко, пирожные. В магазине повезло, продавали ветчину, взяла ещё яйца, хлеб, булку. Наверняка у Кости пустой холодильник.

В два часа дня она была уже у знакомой двери, и ей даже не пришлось звонить. Должно быть, он стоял у двери и ждал. Дверь открылась, и вот уже её крепко обхватили его желанные, родные руки. Нет, нельзя, невозможно быть такой счастливой! Пахло жареной картошкой, этот физик-лирик тоже не терял времени зря. На столе стояла бутылка коньяка и незнакомое импортное вино... И поцелуй, и радость-радость-радость... Счастье!

Они сели за стол, выпили вина, разговаривали и любили друг друга. Уснули вместе. Утром проснулись вместе. Впервые в жизни. Им принадлежало четыре дня. И первый уже прошёл. Вчера. И они, наконец, поговорили о главном – о своей встрече, любви, об их прошлом, настоящем и будущем. Честно. И он сказал:

– Я уехал туда из-за работы, я думал, это важнее всего, важнее тебя. Я испугался. Понимаешь, я привязан к своей семье – жене и дочке, и никогда у меня не было никаких сомнений и колебаний – это была моя тёплая, родная норка, где я чувствовал себя защищённым. Я не знаю, как правильно назвать моё чувство к тебе. Страсть? Это – зависимость от кого-то или чего-то. У меня зависимость от тебя. Я сердился на себя и на тебя тоже. Что мне делать с тобой и с собой? Оказывается, я жить без тебя нормально не могу. Ты каждую секунду внутри меня, как вирус какой-то, внедрившийся в мозг, сердце, душу. В тело, наконец!.. Я думал, уеду, всё как-то постепенно пройдёт, я забуду о тебе. Нет! Это и невозможно, и невыносимо! Я работаю, как идиот, круглые сутки, башка не отдыхает, и параллельно ты живёшь во мне – и мешаешь, и помогаешь! Мне кажется, из-за тебя мне такие мысли, такие догадки приходят в голову, что самому страшно! И я кажусь себе сумасшедшим. Нельзя человеку пока что лезть туда, о чём я думаю бессонными ночами! И что в тебе особенного?! А вижу, ты вся особенная – удача моя, награда моя и моё наказание! Это выходит за рамки нормального состояния.

или я уже давно ненормальный?! И я опасаясь сломать твою жизнь. В быту я совсем не подарок... Может, тебе придётся свою работу бросить и отдать свою жизнь только мне. Но ты в своём деле талантливый человек, зачем тебе приносить себя в жертву, бросать своё дело? Это тоже мучает меня.

Они оба молчали, наконец она сказала:

– Делай так, как считаешь нужным для себя. Как скажешь, так и будет!

Больше они об этом не говорили, не строили планов. Не были к этому готовы. И вместе быть нельзя и совсем расстаться невозможно... Он открыл свой портфель, достал толстую клеенчатую тетрадь.

Немного смутившись, спросил:

– Можно оставить это у тебя, для сохранности? И пусть никто об этом не знает. Там мои сумасшедшие мысли и выводы, для которых ещё не пришло время. Пусть это побудет у тебя.

– Надеюсь, там не такие секреты, за которые сажают в тюрьму?

– Нет, там такие секреты, за которые сажают в сумасшедший дом.

Он положил тетрадку в пакет, аккуратно заклеил его скотчем, написал сверху алым фломастером: «Моей любимой – самое дорогое!» и положил в свободный отдел её сумки.

– Отдашь, когда увидимся в следующий раз. А пока пусть лежит у тебя, привыкает... Прости... Я сейчас не могу предложить тебе ничего конкретного. Подожди немного. Придёт время, мы обязательно будем вместе. У меня есть планы на этот счёт... Поверь мне! Пойдёшь за мной на край света?

– Пойду, поеду, полечу!..

Потом они снова любили друг друга.

Она не выдержала, позвонила матери. Спросила, как она себя чувствует, всё ли в порядке? Мать была в хорошем настроении, всё в порядке, только вот звонила её заместительница, очень её искала. Что-то срочное! Она позвонила в редакцию. Трубка ответила радостным воплем.

– Лариса Петровна! В два часа в городской администрации срочное совещание актива. Что-то там случилось, все бегают, как ошпаренные. Пожалуйста, приходите, я не справлюсь!

– Не выдумывай! Ты справишься. Обычная ерунда какая-нибудь!

– Нет, где-то авария, что ли, или диверсия. Приезжайте!

Она бросила трубку – такая досада! Зачем она позвонила заместительнице! Исчезла бы на неделю и всё! Пережили бы, разобрались. Чёрт бы её побрал, зачем она согласилась стать главным редактором – во всякую бочку затычка! Хлопот полный рот, для себя, для души – ничего, небольшой довесок к зарплате! Уговорил редактор! За газету переживал. А за неё кто будет переживать?!

Он увидел её растерянность, тоску, расспросил, улыбнулся даже:

– Ну не расстраивайся так, пойдёшь, покажешься и по возможности смоешься обратно! А я буду тебя ждать. Борщ не обещаю, а картошку с мясом опять пожарю!

Она засмеялась, ну хорошо, пустяки! Она постарается быстро вернуться! Снова позвонила заместительнице, сказала, что они пойдут вместе, мол, пора тебе привыкать представлять газету «в верхах». Та сразу приободрилась, вместе – это замечательно!

Действительно, ничего такого особенного на совещании не было, просто надо будет дать в газету информацию. С этим её заместительница, курица этакая, справится! Сейчас скорей, скорее к нему, к Косте на квартиру!

Забегала в кабинет одеться – звонок! Подняла трубку.

– Дорогая моя, милая моя, Ларочка, девочка моя любимая!

Она испугалась, он никогда ещё не говорил ей таких отчаянных слов!

– Я должен срочно ехать в аэропорт, чтобы попасть на ближайший рейс! Позвонили с работы. Несмотря на мой запрет, один дурак, считающий себя умником, запустил мою установку в работу. Может пропасть всё, что я делал целый год! Да и беды может наделать! Я позвоню! Увидимся!

– Подожди! Я сейчас приеду!

– Нет, машина ждёт, если не успею на последний рейс, придётся ждать до утра. Это опасно!

Она выскочила, остановила такси – в аэропорт! Сколько? Сумма была немилосердной. Открыла кошелек – вчера получила аванс. Нет, не хватит...

– Ладно, – сказал таксист, – потом донесёте, я вас знаю...

Они не ехали, а летели. Надо отдать должное, водитель был гениальным в своём деле. Проникся. Прилетели.

– Если можете, подождите, – попросила она водителя.

Он молча кивнул головой. Она помчалась к стойке регистрации и увидела только его спину, он уже шёл к эскалатору. Она закричала: «Ярик!» Он резко повернулся, сбил очередь, рванулся к ней, нарушая все и всякие правила. Они стояли, обнявшись, целую секунду Вечности. И тут все наблюдающие заорали, схватили её за руки, оттащили. Он снова вступил на пустой уже эскалатор и махал ей рукой. Вот... последний взгляд... скрылся... Дежурная девушка сердобольно ей шепнула: «Бегите, пока они не опомнились!» И она побежала вон из аэропорта, к стоянке.

Водитель её ждал. Она закричала ему:

– Спасибо, спасибо!

Сорвала с пальца единственное своё, мамино золотое колечко, протянула.

Парень оттолкнул её руку:

– Садитесь! Поехали!

* * *

Всё утро она ждала звонка, даже задержалась с выходом на работу, чего уж догуливать дни, работать надо! Телефон молчал. Доехала до редакции, ждала звонка. Были звонки. Не то... не то... Всё по работе. Затревожилась, нехорошо как-то стало. Позвонила в аэропорт, долетел ли самолёт. Да, всё нормально, уже обратно прилетел. Может, он ещё не доехал до дома, до работы? Надо подождать. Провела планёрку. Позвонила домой, матери. Нет, звонка не было. Перерыв... Пошли в столовую. Есть ей не хотелось, взяла стакан чаю и бутерброд. Только чай и выпила, есть не могла. Напряжение росло. Вернулась в кабинет. Позвонил Костя, сказал: «Я сейчас к тебе подъеду!» И тут её затрясло. Что-то случилось! Вышла на улицу, чтобы встретить Костю. Он подошёл, как говорится, лица на нём не было. Стоял. Молчал.

– Что? – спросила почти беззвучно одними губами.

– Беда, – сказал он, – авария по дороге из аэропорта.

– Жив? – спросила с последней надеждой.

Он отрицательно покачал головой, обнял её и заплакал. Она никак заплакать не могла. Её словно ударили в грудь чугунным ломом, оставившим комок боли. Слёз не было, она не знала, как провести оставшееся время дня. Вспомнила, что ведь у неё не кончились дни в счёт отпуска.

Сказала Косте:

– Спасибо, что пришёл. Иди, я справлюсь!

Заместительнице сказала, что уходит «догуливать» отпуск. Та согласно закивала головой, мол, удивилась, почему она вышла на работу, внимательно взглянула ей в лицо, спросила:

– У вас что-то случилось?

Она протестующе помахала рукой – нет-нет, всё в порядке! Кажется, даже улыбнулась.

На улице прохладно, хорошо, что у неё ещё кофточка тёплая с весны в шкафу лежит. Тщательно оделась – зачем, не знала, – вышла из редакции, пошла прямо по улице в сторону, противоположную дому. Это называется – куда глаза глядят.. Мимо шли люди: мужчины, женщины, школьники, подростки, дети, мальчики, девочки. Каждому куда-то и зачем-то было надо. Город кипел жизнью, суетой, и никому не было дела, что его больше нет на земле, что он больше никогда не пройдёт по улице, не встретится ей, не позвонит. И все прекрасно без него обойдутся. Все. Кроме неё и Кости... И семьи... Как невыносимо жаль тех, кто уходит из жизни! Как жаль тех, кто остаётся и помнит их!.. Как жаль всех нас, обреченных на этот уход.

Бедные, бедные мы, смертные люди! У всех нас так мало времени!

Она шла и уносила свою нестерпимую, невысказанную боль всё дальше и дальше. Вот уж и город закончился, вон речка, лес. Она шла берегом речки, лесок становился все гуще, а она всё не могла остановиться. Ей надо было как-то избавиться от боли, она мешала ей дышать. Лес был смешанный: вот ели, а вот белеют берёзы, вот осины, почти сбросившие листья, вот рябина с ярко-оранжевыми ягодами. Вот на берегу речки полянка... Сил нет идти дальше, надо остановиться. Она постояла на берегу, потом, словно примериваясь, позволила себе застонать. Никто её не слышит, никто об этом не узнает. Она застонала громче, потом ещё громче, потом ещё. Наконец закричала, сначала не очень громко, потом всё сильнее. Без слов, просто: «А-А-А-А!» Слёз не было, а крик рвался наружу, это боль её вырывалась из души. Она закрыла глаза и кричала во весь голос, и ей казалось, что становится легче. Свой ужас, свою боль, свою беду выкрикивала она лесу и речке. Потом замолчала, села на сухую кочку, отдохнула. Казалось, боль отступила. Но нет, вот она снова подходит, за горло берёт. И она снова застонала в отчаянии, без слёз, и вдруг почувствовала прикосновение – кто-то трогал, тряс её за плечо. Подняла голову. Костя!

– Ну, хватит, хватит, Ларочка! Надо идти домой. Вставай!

Она с трудом попыталась подняться, он помог ей встать, отряхнул её одежду от лесного мусора, взял за руку, и она послушно пошла рядом с ним. Надо было идти. Зачем-то надо было жить... Он шёл и говорил о своём друге, наверное, ему тоже надо было исторгнуть свою боль.

– Ты знаешь, его мало кто понимал. А кто хоть немного понимал, тот завидовал и ходу не давал. У каждого человека свой масштаб личности. Один – человек квартиры. Он всё время обихаживает, устраивает своё гнездо, и все восхищаются, любят, какой у него вкус, какой он мастер! Другой – человек дома: строит дом, сажает сад, прокладывает дорожки – замечательно! Третий – человек городского масштаба. Он заботится о вверенном ему городе. Государственные люди отвечают за страну. Есть люди Земли, они болеют за планету, за экологию, без конца изучают её вулканы, предсказывают землетрясения. А друг мой, Ярослав, родился человеком Вселенной. И однажды, почти в шутку, соизмерив себя со Вселенной, ужаснулся. Поэтому и говорил: «У нас так мало времени!» Когда понял, даже испугался, говорит, может, я сумасшедший? Он астрофизикой хотел заниматься. Нет, он был нормальный, но таких, наверное, если есть несколько человек на земле – это

хорошо! Может быть, он был несвоевременный человек, пришёл слишком рано... А я это давно почувствовал в нём, ещё в детстве. Я любил его и служил ему. И он меня любил... за брата меня считал, был единственным ребёнком в семье. Не хотел отпускать, заставил физикой заниматься, помогал во всём. Ты не очень устала?

– Нет, не очень.

Проходящий автобус остановился и довёз их до города. Костя привёл её домой. Поздоровался с матерью, сказал, что Лариса замёрзла, и надо её немедленно посадить в ванну – отогреться и отмокнуть. Мать захлопотала, побежала готовить ванну.

Он обнял её, поцеловал в щёку, сказал:

– Всё будет нормально! По-другому. Но будет... Надо перетерпеть. Надо пережить...

Костя звонил ей несколько раз в день, а вечером заходил за ней на работу. Домой они шли вместе, и сотрудники понимающе переглядывались между собой. Через две недели она заметила изменение своих женских обстоятельств, сделала тест. Она была беременна... Сердце сжалось болью и радостью. Вечером сказала об этом Косте – ближе его никого не было.

Он не удивился, помолчал, тихо проговорил:

– Это судьба, Лариса! Не удивляйся тому, что я скажу. Надо хорошо подумать, как быть... Ребёнка надо вырастить в нормальной семье. Надо бы нам с тобой пожениться, у сына Ярика должен быть отец. Я тебя давно люблю, может, ты не догадывалась. Ярик догадался сразу, даже чувствовал себя виноватым. Я не притронусь к тебе, если ты не захочешь. Но это надо сделать ради ребёнка. Подумай.

Она тихо сказала:

– Я подумаю... дай мне срок... ну... месяц ... до Нового года...

Новый год встречали втроем, дома у Ларисы. С Костей молча помянули Ярослава. Впереди у каждого была новая жизнь. Мать с надеждой смотрела на них – Костя ей очень нравился. Она даже забыла про свои болезни и мечтала о внуках. Костя уже предпринимал шаги по открытию своей мастерской, впервые в жизни ощущая ответственность за других людей. Лариса понимала – ей надо родить ребёнка, работать, заботиться о матери, о Косте, о сыне – почему-то уверена была, что будет мальчик. Подумала про себя: «У нас так мало времени! Но что мне положено – я успею, я сделаю...»

